

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПУБЛИЦИСТА

УДК 338.246.025.88

И. ПАНЧЕНКО,
кандидат экономических наук
(Харьков)

QUO VADISTIS? КАЗУС “УКРАИНСКАЯ ПРИВАТИЗАЦИЯ” *

У стислому вигляді подано ретроспективний аналіз приватизації держмайна, підбито підсумки 20-річного її проведення в Україні. Обговорено прийняту стратегію і тактичні методи вирішення завдань. Показано результати цього процесу щодо економіки в цілому, господарюючих суб'єктів, окремих громадян.

Но были ль они возможны, если их так и не было?

Или то лишь было возможным, что состоялось?

Дж. Джойс. “Улисс”

За бурными перипетиями, будоражащими Украину в последнее время, — нескончаемыми политическими баталиями, страдной суетой избирательных марафонов, опытами экономических преобразований, бойкой полемикой (не всегда академической) вокруг них, административно-управленческой чехардой и пр. и пр. — как-то выпало из виду, затерялось событие, давшее толчок и движение нашей жизни сегодняшней, предусловия и катализатора общественно-экономических процессов, участниками и свидетелями которых мы все оказались. Помимо конца света (впрочем, не всеми разделяемого безоговорочно) 2012 г. обещает стать юбилейным для украинской приватизации — явления реального и весьма значимого, эпохального в масштабе отдельной страны, по крайней мере. Думается, что с расстояния двух десятилетий, освобожденный от *аберрации близости* (как ее понимал Лев Гумилев, то есть утраты явлением масштабности) феномен отечественного пошиба видится куда отчетливее, обозримее, предстает во всех своих тонкостях и подробностях; “издали величие виднее”, говаривал Тацит, я бы добавил: как промахи и ошибки.

Не вдаваясь в сколько-нибудь глубокий и обстоятельный анализ проблемы, а равно не умаляя роли реформирования отношений собственности, его насущности, уместности, хотелось бы высказать в чем-то полемичные, больше, впрочем, скептические, соображения по этому поводу. Конечно, я не надеюсь сообщить что-то существенно новое о предмете — кажется, все было сказано, разъяснено, систематизировано..., — и, чего уж там, развязка воочию зрима; я просто решил, отстранившись, дистанцировавшись от действия, попытаться, следуя закону перспективы, окинуть взглядом живописное и по-сезанновски объемное полотно украинской приватизации целиком (скорее, на уровне ощущений, нежели руководящих идей, — не метода, а результата), внимания не фокусируя на отдельных фрагментах, положительно уходя от тактических частных, ретроспективных упорядочений, любопытных (порой досадных — что греха таить — хватает неприятных *скелетов*), однако излишних подробностей. Из триединой целостности процесса (имущество, жилье, земля) ограничусь (не теряя фокуса) одной его ипостасью — приватизацией

* Приведенное латинское выражение означает: “Куда пришли?”.

государственного имущества, не мешкавшей на старте и дорогой, применение и последствия которой нам хорошо видны. Относительно третьей, земельной, я имел возможность, не скрою, внести толику здорового оптимизма еще на подъеме *рыночноперестроечной* кампании ¹.

В памяти свежо, как все начиналось. Курс на рыночные реформы... Приватизационная эйфория... Деэтизация (как можно меньше государства!)... Упования на грядущие преобразования, наивное убеждение: чем решительнее присягнем им на верность, тем скорее покинем пустыню блужданий, достигнем земли обетованной. Мало кого, правда, смущал тот факт, что экономически благополучные страны шли этим путем не один десяток лет. И ведь вот что важно: Украина имела неопценное преимущество – отсутствие опыта по части реформирования собственности, законное право выбора, о котором проникновенно писал еще Петр Чаадаев: “Мы пришли после других для того, чтобы делать лучше их, чтобы не впасть в их ошибки, в их заблуждения” ². Практика далеко опередивших наши законные чаяния *рыночнопреуспевающих* государств, как и (близкая по фону и сюжету) экссодружества стран, повернувших решительно на эту проторенную стезю, давала бы внятные ориентиры, разумные ходы для повторения, освещала бы и опасности пути.

Как же воспользовались мы дарованным правом выбора? Увы, нужно признать, серьезного ответа, глубокого, аргументированного, не прочесть и не услышать. Есть, конечно, победные *ex officio* реляции, в большом количестве и без счета, уведомляющие об очередных, помесечных, поквартальных, годовых достижениях, ожидаемых или уже возымевших место, пообъектных, отраслевых, региональных, муниципальных, возникающих трудностях на этом пути, убедительных, непредвиденных, досадных ... и прочих *буднях малых дел*, – оперативные сводки с театра боевых действий, ни дать ни взять. Слов нет, повседневная рутина, беспрестанная борьба за выполнение плана (а это уже у нас в крови, похоже) не располагают к плодотворным рефлексиям на тему: туда ли идем? так ли сделано, как надо? к чему хотим прийти, в конечном счете? Да, приватизаторы-романтики, искренне уверовав в благо и важность совершаемого, не давали себе ни времени, ни труда раскидываться мыслью о таких вещах. А зря! Наполеоновский девиз – лиха беда ввязаться в бой, а там куда кривая вывезет, – как нельзя лучше, пожалуй, передает ситуацию. В сущности, финал всегда сомнителен, когда решение частных, сиюминутных вопросов идет впереди общих, фундаментальных. Приходится беспрестанно спотыкаться на этих общих вопросах, решать их походя, опускаясь до паллиативов, – почище Александрового метода подчас (говоря словами другого военного гения, – если развивать батальную тему, – Карла Клаузевица, который писал, что “стратегические предпочтения не могут быть компенсированы тактическими средствами”).

Итак, 1992 г. (опускаю предварения). Переломный, судьбоносный (редкий случай, когда уже ставший банальным эпитет не требует к себе иронии). Дан официальный старт приватизации, началась приватизация! началась массовая приватизация! ³ Рубикон реформирования государственной собственности, неколебимого

¹ См.: П а н ч е н к о И. Приватизация городской земли: реальность и перспективы. “Экономика Украины” № 11, 1995, с. 61–67.

² См.: Ч а а д а е в П. Статьи и письма. М., 1989, с. 157.

³ Внушительный свод законов, вдохновляющих, предписывающих, обязывающих, был призван на службу; из значимых для нашей темы назовем “О приватизации имущества государственных предприятий”, “О приватизации небольших государственных предприятий”, “О приватизационных бумагах”, “Программу приватизации имущества госпредприятий” – все одного, переломного, года выпуска, только Указ Президента Украины “О корпоратизации” – 1993 года рождения.

замка свода, на котором зиждилась централизованно управляемая экономика, ее тотемная идеология, перейден! Проблема с гамлетовских эмпириеев “быть или не быть приватизации?” низведена на твердую почву прагматического осмысления: каковы механизм реформирования, темпы, глубина? Логический апофеоз и цель преобразований не оставляли сомнений, а именно: уход от тотально-этатистской монополии на собственность, ее диверсификация, демократизация, признание плюрализма ее различных форм, расцвет многоукладного хозяйства и, не в последнюю очередь, торжество социальной справедливости, а с ними приятные акциденции в виде нахождения средств для развития и структурного переустройства экономики, обретение ответственного собственника, привлечение инвестиций, наполнение доходной части бюджета и всякое такое. Понятное дело, открывалось широкое поле для разночтений, разногласий между общественным благом и личными целями отдельных индивидуумов, государством и личностью, определенными группами граждан, интересами населения и хозяйствующих субъектов, идеологией индивидуализма и идеологией коллективной воли, национальными и муниципальными претензиями, истинными и мнимыми приоритетами... И от этого не уйти.

Вершить названные, а с ними и другие начертанья призвана была созданная о ту же пору структура в лице Фонда госимущества, *слуги двух господ* — Кабмина (функционально), Верховной Рады (подотчетно), коего раздвоения цена очень скоро стала очевидна всем. Ему же, Фонду, предписывалось возглавить и направить процесс в нужное русло. Какое? В поисках ответа архитекторы реформ, — оставляя за скобками идею альтернативы и нюансов, — устремили взор, не мудрствуя лукаво, на неолиберальных пророков соседских, поэтизаторов активного государственного регулирования, массового имущественного передела, благо визионерского опыта им было не занимать (залоговые аукционы для банков, попавших в случай, персональная раздача лакомых кусков — надо ли продолжать?). Лозунг “Даешь приватизацию!” с восторженностью неопита подхватили новообращенные реформаторы, а с ними (не так истово) отраслевые министерства (еще менее рьяно — местные власть предержащие, директорский корпус), стремившиеся приблизить миг желанный — покончить счесть с монопольно-цеховыми клонами — несметными объединениями, ведомствами (достижения тех же министерств, — чем не ремейк древнегреческого сюжета о божественном Кроносе, его отношениях со своими чадами, отношениях экстравагантных, но отнюдь не пустых!) передать промышленные детища из государственных рук в руки негосударственные...

Удивительное дело: мало кого смущали *не-подъемность, не-урочность, не-продуктивность* такого развития событий, бессистемного, поспешного, крайне рискованного. Педалировать в принудительном, директивном порядке приватизацию без должной оглядки на сопутствующие (политические, институциональные, экономические) преобразования, обосновывающие, подпирающие, их синхронизацию, приватизацию повальную, повсеместную, одночасную, отзовущуюся с неизбежностью дезинтеграцией, дестабилизацией экономики, экономики донельзя централизованной, замонаполизированной, в разгар кризиса, стагфляции, когда патерналистская роль государства возрастает стократ, — значит, заведомо обречь себя на верные протори и убытки, на неизбежные потери.

Как бы там ни было, дело оказалось поставлено на поток. В водоворот приватизационного бума попали объекты различного достоинства и калибра — от прачечных и кафе до флагманов отечественной индустрии, — уравненные в правах, обезличенные. Когда же схлынула волна обвальной приватизации, озадаченному взору предстала картина, интуитивно ожидаемая, но весьма безрадостная, неуют-

ная. На фоне небывалой вакханалии мелкого бизнеса, вошедшего в силу, пустившего корни (с неизменным, хотя и не всегда одинаковым успехом), разительно контрастировали уныло-серым своим прозябанием акционерные гиганты — законные дети той же кампании. Итог, прямо скажем, закономерный, вполне логичный, а посему предсказуемый.

Любопытная деталь: приватизация, как и ее антитеза — национализация, — отнюдь не наше постсоциалистическое достижение, оригинальное, ни на что не похожее. Обе известны в истории не понаслышке, знавали времена расцвета, упадка, ренессанса, сигнализируя недвусмысленно о дрейфе экономики к тому или иному полюсу. Пружины самые разные: войны, кризисы, политические и прочие конъюнктурные соображения, с одной стороны, девальвация пафоса *экономики благосостояния* — с другой. Кинув взгляд на нынешний хозяйственный ландшафт Западной Европы, обнаружим, что все его послевоенное формирование протекало под знаком приращения государственного сектора, эскалации (по их меркам, понятно) административно-командных, неконкурентных начал (национализация угольных шахт, железных дорог в 1946–1949 гг. в Великобритании, в 1947–1952 гг. — во Франции для реализации плана восстановления). К 70-м годам, между тем, принципы кейнсианского регулирования подвергаются основательной ревизии и переосмыслению, а фронтальная рыночная *реконкиста* под знаменами *рейганомиики* и *тэтчеризма* начинает победное шествие по континентам, не встречая на пути серьезных препон. Поветрие оно, замечу, не обошло традиционные, кондовые вотчины (почтовые ведомства, телекоммуникации, авиаперевозки и пр.). Сегодняшние катаклизмы качнули маятник в другую сторону — к ревизии неолиберальных ценностей, усилению надзорных и контрольных функций державы, неизбежной национализации (выкупу проблемных активов). Словом, и здесь мы не *впереди планеты всей*.

Впрочем, известные новации есть, и надо думать, порядочные. Судите сами: замахнуться на приватизацию, притом массовую, в стране, напроць лишенной частного капитала (легитимного пая, по крайней мере), рыночной инфраструктуры во всей ее многозвучности и полноте, конфисковавшей подчистую личные сбережения, — предприятие обреченное, что называется, на корню... Однако это по их представлениям, но не по нашим! В свое время Шарль Монтескье, отзываясь о монархическом устройстве, писал не без сарказма: “Этот король — великий волшебник: он простирает свою власть даже на умы своих подданных... Если у него в казне лишь один миллион экю, а ему нужно два, то стоит ему только сказать, что одно экю равно двум, и подданные верят. Если приходится вести трудную войну, а денег у него вовсе нет, ему достаточно внушить им, что клочок бумаги — деньги, и они немедленно с этим соглашаются”⁴. Знакомый пассаж, не правда ли?! Сделать все население инвестором, персонифицированным собственником державного имущества в одночасье, одним росчерком пера, — чем не благовидная цель и решение вопроса? Этакая очередная идиллия, но уже в духе народного капитализма. Как и в былые времена, испытанный разверсточный принцип (теперь с обратным знаком — “все раздать и поделить”) призван был сделать свое дело и удалиться, подобно шиллеровскому мавру, — сделал ... и отошел в анналы новоукраинской истории, заронив прецеденты наших дней мифотворчества.

К 1999 г. сертификатная фаза — *неэффективнофиктивная, скандальноотрезвляющая, бюджетоненаполняющая* — безоговорочно уступает место *исключительноденежной* приватизации, завершение которой, а с ней и всей кампании, ожидается,

⁴ Монтескье Ш. Персидские письма. М., 1956, с. 76.

по самым последним заверениям, не далее как к 2014 г.⁵ Возможно, не буду строить догадки относительно серьезности намерений, — процесс не бесконечен в массовом своем проявлении, это факт, какую бы конденсацию ни претерпевали понятия стратегического предприятия, стратегической отрасли, как бы плачевно ни складывалась рыночная конъюнктура, как бы ни падали активы в цене, чем бы ни увенчался бизнес-элит корпоративный пул (поучительной иллюстрацией того, на какую находчивость может подвигнуть ограниченность исходного материала, мы обязаны преданию о Бенвенуто Челлини, который, обнаружив нехватку жидкой массы для отливки статуи, стал бросать в расплав все что ни попадя — тарелки, вилки, ложки; и, думается, здесь нечто большее, чем остроумная аналогия с тем, что сделано у нас). Диалектика, впрочем, изобретательна, а жизнь не устает подкидывать убедительные свидетельства тому, что не за горами дооценка проданного имущества, возврат в государственное лоно объектов оспариваемых (*легитимносомнительноприобретенных*) или просто себя не показавших в новом качестве, повторные продажи ... и так по спирали. Россия, за которой мы следуем по пятам (на правах догоняющего черепаху Ахилла), вплотную озаботилась национализацией, — отнюдь не худший для проблемного бизнеса исход (по доброй воле и обоюдному согласию, разумеется), по сравнению с банкротством так наверняка (распрощаться одним махом со всеми долгами, возом проблем да еще разжиться компенсацией!), но не для бюджета, понятное дело, и налогоплательщика тем паче, едва ли готового постигнуть тонкости подобного гешефта: расстаться с имуществом за бесценок, по бросовой цене (остаточной стоимости — в официальном эквиваленте), чтобы вернуть его же, но по цене рыночной (неплохая головоломка!), буде за сим не стоят иные, неэкономические, побуждения и резоны.

Задекларированные установки второго этапа (опускаю задающие тон вехи процесса) суть следующие: а) продажа исключительно за живые деньги, причем деньги, возведенные в рыночную степень (по умолчанию принимается, что экспертная оценка — это почти рыночная цена); б) ставка на стратегического инвестора (взамен приоритетно-фискальных мотивов), без неременной украинской *прописки*; в) торжество конкурентных начал, открытости, прозрачности. В качестве девиза дня сегодняшнего подошел бы такой: “Стратегические инвесторы всех стран, объявляйтесь!”.

Каким же представляется обличье нынешнего героя-протагониста? Можно, конечно, пофантазировать. Первое, что приходит на ум: он имеет долговременные виды (капитализация компании, конкурентоспособность, выход на зарубежные рынки и далее в том же духе), гораздый эффективно управлять (критерии известны). Если дать волю воображению, — в рассуждении заграничных корней, — то надо помнить: предложение капитала на мировом рынке всегда ограничено, и он (капитал) вправе выбирать. Не в пример сказочному Буратино, готовому по настроению минуты закопать свои золотые на поле чудес (неплохая метафора нашей действительности!), нормальному, не мифическому, инвестору отнюдь не безразличны, — и я не открываю здесь истину, — политическая стабильность, условия ведения бизнеса, степень коррупции, общий инвестиционный климат. Помимо означенных условий (далеко не выигрышных, нечего греха таить), не могут не озадачить покупателя-нерезидента традиции отечественного зазеркалья — правила, устанавливаемые для всех, вернее, их отсутствие (ситуативность, персонифицированность,

⁵ См.: Програма економічних реформ на 2010–2014 роки. Заможне суспільство, конкурентоспроможна економіка, ефективна держава (http://www.president.gov.ua/doc/Programa_reform_FINAL-1.pdf).

заполитизированность...), откровенная невразумительность коих вызывала, продолжает вызывать недоумение у специалистов, порождает массу догадок. Один, но весьма примечательный штрих: в начале пути, и на марше, и на подходе не существовало осмысленной концепции приватизации, неизвестна она и поныне (как не было и нет, беря проблему шире, экономической модели развития, есть только одни направления: давешние неолиберальные метания, государственно-капиталистическое строительство нынешнее, сугубо национального покроя). Ситуация очень смахивает на забавную карточную игру, которую приводит в своей “Энциклопедии Относительного и Абсолютного знания” французский писатель Бернард Вербер. Игроки садятся играть, заведомо не зная правил; в процессе игры они должны по логике действий банкующего выяснить эти правила, и побеждает тот, кто сделает это быстрее других. Знакомо, не правда ли?!

Нечего и говорить, при сложившемся положении дел серьезные денежные потоки извне поступят едва ли. Тихоструйные ручейки (из обилия чаемого), мелководные, мутно-пенные, понятно, не исключаются: бросовая цена объекта превышает сверххриски, корпоративное сведение счетов с конкурентом, канализация экологически опасных или попросту непопулярных производств (табачный бизнес, например) и все такое. А коль скоро так, уповать остается на *автохтонный капитал, капитал-эндемик*, ну еще на соседский, выращенный в сходных условиях, хорошо адаптировавшийся к ним, как, впрочем, и провинциальный (по мировым меркам) передел собственности, традиционный передел, беспредел...

Такова непритязательная фабула, показанная эскизно, пунктирно, феномена “приватизация по-украински”.

Реализовали ли мы законное чувство собственника, стали ли богаче как счастливые обладатели приватизационных сертификатов?

Вопрос из разряда риторических. Нельзя осчастливить всех разом, сделать собственниками так, за здорово живешь, — невозможно по определению. Впрочем, сих целей высоких, если не лукавить, и не было на уме. За популистским флером социальной справедливости и всеобщего эгалитаризма легко угадывались истинные (демонстративно банальные) мотивы: первичное закрепление собственности, выведенной из-под государственной руки, — в беспрецедентно короткие сроки! — дальнейшее ее перераспределение, приращение, консолидация в нужном уже направлении. Иначе сказать, возникающая с неизбежностью апория — как к рынку поживей прийти и справедливость соблюсти — разрешалась с простотою колумбова яйца: принесением в жертву второго постулата, и вся недолга (в точности по Набокову: “наш родной социальный заказ заменен социальной оказией”). В угоду тому же рынку вверено было пресловутым сертификатам “таскать из огня каштаны хваткой рукой” — не без живого участия расплодившихся по случаю *медиумов-эфемеров* (инвестиционные фонды, трастовые компании, доверительные общества и т. д.), вскоре растворившихся бесследно, оставив в полном замешательстве рекрутированных жертв — *неведенья блаженную невинность*. К чести российских апостолов (буквально воспринявших апофегму “собственность — это воровство”), приватизационные мотивы изначально рисовались откровеннее, циничнее, невзирая на популистский декор, видимую пристойность антуража. Да и сам российский ваучер, удостоенный свободного хождения, выглядел куда увереннее, авторитетнее своего украинского собрата, символизируя предметно, живо, зримо свободу выбора всех и каждого, — выбора, скажем прямо, не Бог весть какого...

Можно рассуждать о врожденной ущербности, конфликтности сертификатной концепции, о заложенных в ней несообразностях и профанациях — равноправный

раздел в декларациях, на деле — приличный куш одним (высоколиквидные акции), свидетельства-“пустышки” на убытки и долги предприятий другим, не идущие ни в какое сравнение льготы и преференции трудовым коллективам, их руководству, непрозрачность, неинформированность кампании, благодатная среда для злоупотреблений, мошенничества (список продлевается по желанию), — подаваемых нынче как досадные детали, портящие величественное здание отечественной приватизации. Важен итог. И если сегодня мы пожинаем до немыслимых пределов имущественную дифференциацию, обнищание общей массы населения, головокружительное обогащение элитного класса топ-собственников, структурно законсервированную неэффективность хозяйства, пубертатное состояние (в традиционном понимании) среднего класса, индикатора устойчивости либеральной экономики, — и так в прогоне через всю топику сомнительных приобретений, — то во многом это “достижение” сертификатной приватизации.

Обрели ли предприятия эффективного собственника?

Смена одной вывески — “государственное предприятие” на другую — “акционерное общество”, перелицовка государственной собственности на коллективную, боюсь сказать, не очень улучшили положение. Правда, пришла долгожданная свобода, эмансипация от плотной опеки государства, что, понятно, дорогого стоит, если положительно знать, как оной распорядиться (свобода — всегда ответственность).

Нечего и говорить, обошелся с дарованной вольницей каждый на свой лад, хотя общая тенденция стратегических предпочтений обозначилась определенно. Часть акционерных генералов (обычно — *красных директоров*), вконец разуверившись в добром исходе, предоставила событиям идти своим чередом; дабы как-то отдалить закономерную развязку, пускались во вся тяжкая, приторговывали под сурдинку имуществом, благо не все ушло на сторону, пропадающие впусте площади отдавали в наем, — тем и жили... Выжили, увы, не все. Часть безвозвратно канула в Лету (и не факт, что во благо структурных перемен). Другая — готова ступить на берег с парома Харона: числится в *проскрипционных списках* на ликвидацию и банкротство чуть ли не 13% из тех, кто пребывает под государственным началом. Иные пытались реанимировать производство, вывести его из анабиоза, вдохнуть в него новую жизнь; разумея, что *тронуть паровоз* не по силам, дробили предприятие, выделяли жизнеспособные единицы, пускали их в свободное плавание, предусмотрительно оставив балласт и долги за обреченной компанией материнской, — с позволения сказать, реструктуризировались (эвфемизм более чем понятен). Находились, впрочем, и такие, коим смена формы собственности пошла впрок: брошенные на произвол рыночных стихий, лишённые привычных планово-командных помочей, они сумели противостоять экономическим негораздам, выжить и преуспеть в перестроечном безвременье, даром что явленные нам позитивы не поражают своим счетом.

На волне приватизационного переустройства, от его зачина и поныне, сменили организационно-правовую ориентацию никак не менее 126 тыс. хозяйствующих субъектов, 29 тыс. государственных плюс 97 тыс. коммунальных; появилось на свет 11 тыс. с лишком акционерных обществ; выкуплено более 100 тыс. объектов малого бизнеса. Бесспорные лидеры, в порядке убывания числа участников, — сельское хозяйство, машиностроение и металлообработка, строительство, пищевая промышленность, транспорт ⁶. Соотношение сил обоих станов, государственного и приватно-корпоративного, по персональному составу — 1 : 4, по имуществу — при-

⁶ См.: Звіт про роботу ФДМ України і хід виконання Державної програми приватизації у 2010 р. (<http://www.spfu.gov.ua/ukr/report/spfu/201012.pdf>).

мерно паритетное, в долях ВВП — 40 : 60%, соответственно. Но сказать определенно, какая форма по нынешним временам показала себя эффективнее, едва ли возможно, если не соблазниться на победные реляции ФГИ, представляющие собой не что иное, как *потемкинский* камуфляж; во всяком случае, у официальной статистики убедительного ответа на сей счет не находим. Что известно доподлинно ей, статистике, так это убыточная работа едва ли не половины всех действующих предприятий, большая затратно-производственная у новообращенных собственников, утяжеление их операционных расходов (проявления теневых схем?).

Как бы то ни было, несомненно одно: реального хозяина — с широкими видами на модернизацию, развитие производства, инновации — украинские предприятия, по большому счету, не обрели. Директорский корпус, обремененный в массе своей прежней ментальностью, оказался инертным к проведению кардинальных преобразований, беспомощным перед рыночной стихией. Изменение с течением времени расклада в пользу собственников-аутсайдеров (внешних инвесторов) мало что поменяло в положении вещей (рикошетом, пожалуй, — корпоративно-управленческие коллизии). Добавим сюда крайне неблагоприятную общеэкономическую ситуацию, на фоне которой надлежало разворачиваться приватизационной эпопее, плачевное состояние самих предприятий, а равно и безнадежно низкий уровень корпоративной культуры, пандемическую *тенизацию* хозяйственной жизни, *офшоризацию* — и станет понятным: уповать на славный исход было весьма опрометчиво.

Обобщая, рискну назвать наиболее значимые *достижения*, а они таковы: безвозвратная утрата существенной части национальных активов (разграбление, говоря определеннее), истинные размеры которой не поддаются исчислению; появление неэффективной инсайдерской собственности (руководства и работников номинально, реально — руководства) и фиктивной (по сути, частной) акционерной; транзитное, минуя декларативно-программные каноны, отчуждение имущества (обреченные кредиты под его залог, декапитализация, инспирирование банкротства и пр.); расцвет частных монополий (в ущерб конкурентным началам, достойному качеству продукции); укоренение и легализация рейдерского движения; венцом всему — высочайший взлет одних предприятий, падение, прозябание — в пропорции, несравнимой с первыми! — других. В более широком (для нашей темы) контексте — становление олигархически-клановой экономики, сращивание капитала с законодательной и исполнительной властью, активное его вхождение в политическую жизнь, развертывание хозяйственных отношений феодального типа.

Подвигло ли реформирование собственности к структурным переменам в экономике?

Не углубляясь в предмет, признаем: изменения произошли, но положительно не те, что ожидались. Помимо убедительного низведения хозяйства до сырьевого статуса (*металл-химикаты-зерно-подсолнечникового*), более чем двукратного сокращения производства, его затратного утяжеления, свертывания до предела товарного предложения, тотальной технологической деградации предъявить, по существу, нечего. Вот только несколько самых общих цифр: в черной металлургии объемы упали в 2,2 раза, нефтехимии — 2,4, пищевой отрасли — 2,6, машиностроении и металлообработке — 2,8, химической и легкой отраслях — в 4 раза. Таков нисходящий ряд, если сравнивать с 1990 г. (теперь уже законной точки для сопоставлений. Припоминается обидная и кощунственная переключка с 1913 г.). На этом фоне машиностроительный пай ужался вдвое, черной металлургии — напротив, округлился примерно в такой же пропорции. Структура товарного экспорта 2010 г.: 47% —

половина! – минеральное сырье, металл и изделия из него, вместе взятые, машиностроение уценено до 18% (о серийном изготовлении речь уже не идет, качество продукции – отдельная тема); показательно, что черных металлов отправлено 28%, изделий из них – не более 4% (вывезенной руды – и того больше: 5%). Остается напомнить: добыча угля оборачивается 2%-ной добавленной стоимостью, выплавка металла – 6%-ной, изготовление компьютера – 1500%-ной. Сказать яснее: мы по максимуму поступаемся доходами, добродушно передаем их за рубеж, не помышляя всерьез о постиндустриальных горизонтах, масштабных инновациях, высокоинтеллектуальных технологиях.

Таков, если коротко, итог структурных “достижений”. Общеэкономические последствия известны: хроническая рецессия, убавление (против 1990 г.) физического объема ВВП на половину в 90-х годах, на 40% круглым числом – в годах *нулевых* (невольно навеваемые аллюзии и параллели с Великой депрессией в США, истончившей за неполных 4 года на треть реальный ВВП, – менее великой и значительной в присутствии отечественной, длиной добрых 20 лет, – предусмотрительно опускаю).

Сполна ли познали производители наплыв инвестиций, извне в том числе?

Простейший способ найти ответ на вопрос – посмотреть на динамику накопления основного капитала (табл. 1).

Таблица 1

Норма инвестиций в основной капитал *

(%)

Год														
1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
17,2	15,4	13,3	13,6	13,5	14,0	16,0	16,5	19,0	21,9	21,0	23,0	26,2	24,5	16,6

* Рассчитано по данным Госкомстата Украины о ВВП и инвестициях в основной капитал за соответствующие годы.

Достижения, что и говорить, скромные; только с нарисовавшимся экономическим оживлением (2004 г.) уровень инвестиций одолел 20%-ную планку и выстоял 5 лет. В Китае, к примеру, он стабильно держится на уровне 45%. В абсолютном исчислении валовые накопления в Украине просели самое малое вдвое.

Активность отечественного бизнеса по этой части – не живет государственной. Озабоченный сиюминутными выгодами, крупный капитал остается незамеченным в массовых модернизационных порывах, даже купленных ценою немалых налоговых преференций. Текущий кризис, признаем, с предельной наглядностью обнажил плоды технологической инфантильности, апатии, индифферентности, эскапизма (вычеркнуть любую метафору на выбор). В мою задачу не входит искать следы валютных поступлений; вот только один любопытный штрих: самыми востребованными украинские инвестиции – 92% всей суммы! – оказались на Кипре (и что нужды, что остров не замечен в хозяйственных связях с нами); присовокупив Лихтенштейн или Британские Виргинские острова, я, безусловно, оживлю картину, но едва ли добавлю что-либо по существу. К слову, он же, Кипр, вне конкуренции и по вложениям в Украину (депортация на родину?), но это уже к вопросу о достоинствах и корнях таковых ⁷.

⁷ См.: Инвестиции внешнеэкономической деятельности. Статистический сборник. К., 2011, с. 15–19, 52–59.

Между тем в общем хоре капитальных мероприятий иноплеменный голос продолжает звучать робко и приглушенно — 2–3% всего финансирования; предприятия, как и прежде, обходятся собственными силами (60%) и сторонними заимствованиями (12–14%). Сами же масштабы инвестиционного наплыва в страну не поражают воображения, а предлагаемые без счета рейтинги, задвигающие нас в ряды тех, кто пасет задних, только укрепляют убеждение в неотвратимости такого положения вещей. Было бы лишним эксплицировать здесь эту тему, замечу лишь, что к 2005 г. прямые инвестиции из-за рубежа приумножились до 9 млрд. дол., в среднем по 0,8 млрд. за год (для сравнения: польский урожай о ту же пору ежегодно приносит 4–5 млрд. дол.); 2005 г. подарил Украине весомый (по местным меркам) прирост — 7,8 млрд. дол., достойный достижений предшествующих 11 лет; им же, как мы убедимся далее, побиты все рекорды на приватизационной ниве (мотивационная тень зарубежных поступлений?). К 2010 г. суммарный приток вложений (с учетом оттока) достиг 44 млрд. дол., приоритеты которых говорят, впрочем, о многом: 34% всего объема пришлось на финансовую сферу, по 11% — на торговлю и операции с недвижимостью. В промышленном секторе иноземный капитал сосредоточился на отраслях с быстрой оборачиваемостью средств под гарантию сбыта произведенного на туземном рынке (преимущественно пищевая и табачная отрасли), категорически не запятнав себя в серьезных инвестиционных проектах и наукоемких отраслях.

Какова цена приватизационных вливаний в государственную казну?

Нельзя не признать: главной и, в сущности, единственной (из программно декларируемых) миссией приватизационных поступлений были и остаются фискальные нужды. Цифры, приведенные в таблице 2, дают определенное представление об озабоченности первого распорядителя имущества проблемами доходной части бюджета.

Таблица 2
Поступления в бюджет Украины от приватизации госимущества *
(млрд. грн.)

Показатель	Год												
	1992–1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
План.....	1,5	0,8	2,6	5,7	3,2	2,0	5,1	6,9	2,1	10,6	0,6	8,5	6,4
Факт.....	0,5	0,7	2,1	2,1	0,6	2,0	9,4	20,7	0,5	2,5	0,5	0,8	1,1
Доля (%)...	33	88	81	37	18	100	184	300	24	24	83	10	17

* Источник: Звіт про роботу ФДМ України та хід виконання Державної програми приватизації у 2010 р.

Как видно из таблицы 2, в динамическом ряду несколько выделяются 2003–2005 гг., не оставляющие, впрочем, сомнений относительно истинной подоплеку радения о деле. И все же — велик ли прибыль от продажи государственного имущества, или, лучше сказать, так ли хорош продавец? Не входя в подробности и не опускаясь до конкретных оценок, порой курьезных, — бесспорного достояния массовой печати, — возьмем 2010 г., под которым общее число составило 1,1 млрд. грн. Это много или мало? Далеко ходить не будем: Польша выручила за тот же год 7,7 млрд., но уже долларов, рекордную за последнее десятилетие сумму (и мало горя, что кризис на дворе).

Располагая приведенными выше сведениями, попробуем взглянуть на приватизационный пай в бюджетном пироге (табл. 3).

Таблица 3

Приватизационные поступления в сводный бюджет *

(млрд. грн.)

Показатель	1992–1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Доход.....	114,2	32,9	49,1	54,9	61,9	75,3	91,5	134,2	171,8	219,9	297,9	273,0
в том числе от приватизации.....	0,5	0,7	2,1	2,1	0,6	2,0	9,4	20,7	0,5	2,5	0,5	0,8
Доля (%).....	0,4	2,1	4,3	3,8	0,1	2,7	10,2	15,4	0,3	1,1	0,2	0,2

* Доходная часть сводного бюджета, по данным Госкомстата Украины.

Как видно из таблицы 3, только в 2004 и 2005 гг. перейдена 10%-ная граница, в остальных – показатели меньше на порядок, а то и на два (гора родила мышь?). Доход сертификатной поры еще скромнее: 500 млн. грн. за 7 лет (!).

Более строгий подход требует, конечно, исключить из этой лепты ту часть, что пошла на содержание самого Фонда с отделениями, равно как и пущенные на обслуживание процесса средства (памятуй Паркинсоново, почти классическое, правило: расходы стремятся сравняться с доходами). Замечу, к слову: непроницаемой, законом освященной *перегородки* между обеими статьями финансирования (“аппарат” и “процесс”) не существует, почему стесненные бюджетными рамками фондовские Олимпийцы никогда не отказывали себе в удовольствии черпать необходимые суммы из доступного источника. Впрочем, и без соответствующих корректировок вывод очевиден: сегодня, как и прежде, приватизационными инъекциями едва ли возможно умерить аппетиты бюджетного Молоха (о том, что они будут расти, говорить не приходится); на остальные задачи – основополагающие, подпирющие приватизационный пафос, принятую стратегию, – сил, как мы убедились, не остается.

Был ли выбранный путь единственным, безальтернативным или же имелись другие пути для реализации возможностей?

С самого начала кампании томило досадное чувство, что делается все как-то не так, далеко не лучшим образом. Здравый смысл подсказывал: добросовестное компилирование и искренние имитации – лихое и безоглядное вписывание в мировой контекст – плохие союзники в таком начинании. Удивляло и настораживало отсутствие ясной и убедительной концепции, четкой программы действий. Все, что предлагалось, носило печать наспех и безответственно сработанного товара широкого потребления. Так ли насущна и безотлагательна была *ваучерная* приватизация? Позволю себе напомнить, что из стран, положительно не отказавшихся от данной схемы (Болгария, Польша, Румыния, Чехия, Словакия), первые три отсрочили эту затею, становление рыночных институтов, до лучших времен – середины 90-х. Причем поветрие оное коснулось не всех предприятий без разбору, а тех, что не ушли за деньги.

Насколько оправданны массовая приватизация, павальное, лихорадочное, хаотичное акционирование предприятий?

При всей показанности форсирования малого ее формата (нашедшего в Украине благодатную почву, свободную от конфликтных ситуаций, реституций, компенсаций по восточноевропейскому образцу), выведения обширной социальной

инфраструктуры из государственного сектора, накопления критической массы негосударственной собственности и т. д., стоило ли отказываться до временно от арендных, лизинговых начатков, да и обыкновенной коммерциализации на других участках экономического пространства (так и не проявивших себя в полную силу), — не хуже других укрепляющих, к слову сказать, рыночные основы? И наконец, еще один вопрос, не задать который невозможно: какая статья была в безвозмездной передаче имущества трудовым коллективам, их руководству, как, впрочем, и льготные продажи им же (помимо России прецеденты подобного добротства известны разве что Латвии с Литвой, Польше и отчасти Венгрии)? Куда логичнее, согласитесь, уступать государственную (читай: нашу с вами) собственность в оплачиваемое пользование, нежели по требованию текущей минуты, фискальных надобностей спустить за бесценок и просто задаром априори номинированным коллективам, отдельным лицам, имеющим на нее, если не лукавить, прав ровно столько, сколько и другие члены общества (в духе и букве конституционной идеи общенародной собственности, по крайней мере). Пожалуйста, владей, пользуйся, наработывай собственный капитал и выкупай (!) по доброй воле арендованное имущество — за реальную цену, разумеется. Расчет арендной платы (в противовес формальным изыскам теперешним) здесь мог бы вестись методом, предложенным в свое время автором этих строк для земли. Он, убежден, пригоден и для ресурсов материальных, — ведь идет от сопоставления во времени (продисконтированных) альтернативных денежных потоков собственника (прямые продажи, аренда с последующей продажей) и им же пущенного в оборот понятия “отсроченная выгода”⁸.

Или другой путь, не последний в данном ряду, — корпоратизация привлекательных и перспективных объектов, с созданием на их основе совместных, государственно-приватных, предприятий, как это практикуется повсеместно (свежеиспеченный Закон “О государственно-частном партнерстве” запоздал на верных 20 лет!). Вообще говоря, опыт *рыночно-состоявшихся* экономик оказался бы весьма полезным: резервирование “золотой акции”, позволяющей сохранять контроль со стороны правительства, — в Великобритании, создание “твердого ядра” в лице стабильных акционеров — во Франции, приобщение трудовых коллективов к собственности и управлению предприятием — в США (теперь неотъемлемого элемента денационализации во многих странах) — первое, что приходит в голову как возможные вариации на эту тему. Да и нынешние восточноевропейские реалии, ставка на денежные продажи, широко открытые двери перед иностранным капиталом, портфельными инвесторами (Венгрия, Хорватия, Эстония, Восточная Германия, Польша), что обернулось реальными вливаниями в производство, передовыми технологиями, эффективным менеджментом, цивилизованными формами ведения бизнеса, — позитивы можно нанизывать, — несомненно, поучительны. Не стоит сбрасывать со счетов и китайский феномен, явивший всем ярчайший образец неолиберальных архетипов прочтения.

Какие виды сулил такой эволюционный путь? Безусловно, время для инкубации, возвращения приватного капитала, отвечающей ему инфраструктуры, их становления и упрочения, накопление положительных навыков управления предприятиями через сословие наемных менеджеров, достаточные и справедливые условия для внешних инвесторов, какую-то легализацию теневого бизнеса, обретавшего

⁸ См.: П а н ч е н к о И. Арендная плата за городскую землю: экономическая природа, способы расчета. “Экономика Украины” № 9, 2004, с. 36–45.

бесконечные возможности для игры с официозом, пробуждение вящего (без кавычек) интереса и доверия к институту частной собственности, а главное — естественные, очерченные мировой традицией предпосылки проведения нормальной (в классическом формате) приватизации. Эти и другие, в том же духе, вопросы подогрели мотивированный скепсис к происходящему (прозрения Кассандры в условиях обреченной Трои), волновали, не могли не волновать мыслящих людей, рассудком понимавших, впрочем, что экономика, как и история, плохо уживается с сослагательным наклонением (рискну освежить подзатершийся трюизм).

Пожалуй, это почти все, что хотелось сказать на интересующую тему, если брать сухой остаток. Сложнее, должно быть, понять прок такого *post factum* диагноза (пророчеств, обращенных вспять). И все же лучшее, что можно извлечь из подобных раздумий, — смею надеяться, — суть уроки на будущее, вернее, уже день нынешний, в преддверии землеразверсточного ангажемента (как не хочется проводить параллели, как почти это удастся). Ошибки на этом поприще рисуются куда весомее, значимее, ибо чреватые, если задуматься, далеко идущими последствиями, поскольку приходится иметь дело с ресурсом, естественным образом ограниченным и, не в пример благам материальным, невозполнимым рукотворно. Ресурсом, который с полным основанием можно поставить, — и это требует глубокого осознания! — во главе списка национальных богатств Украины ⁹.

Статья поступила в редакцию 6 июня 2011 г.

⁹ В более широком контексте эта тема поднималась автором лет 20 назад (См.: П а н ч е н к о И. В. Природные ресурсы как элемент общественного богатства. “География и природные ресурсы” № 1, 1986, с. 22–29; П а н ч е н к о И. В. Природные ресурсы как экономическая категория. “Экономические науки” № 11, 1990, с. 117–121; П а н ч е н к о И. В. Оценка природных ресурсов как элемент анализа воспроизводственного процесса. “Экономические науки” № 9, 1995, с. 44–49).